

НЕОКОНЧЕННЫЙ ДИАЛОГ

К 75-летию Виктора Владимировича Бадикова

В Малом зале Союза писателей Казахстана состоялся «круглый стол», посвященный 75-летию Виктора Владимировича БАДИКОВА, доктора филологических наук, профессора, известного казахстанского литературоведа и критика. Накануне в издательстве «Алаш» баспасы» вышли его очерки современного литературного процесса «С вечностью – начистоту», собранные и изданные А. Арцишевским.

В работе «круглого стола» приняли участие **Любовь Шашкова** – поэт, публицист, редактор отдела культуры журнала «Простор», председатель Совета по русской литературе Союза писателей Казахстана; **Надежда Чернова** – поэт, прозаик, редактор отдела поэзии журнала «Простор»; **Ольга Абишева** – доктор филологических наук, редактор отдела критики журнала «Простор»; **Адольф Арцишевский** – поэт, прозаик, публицист; **Дулат Исабеков** – прозаик, драматург, Лауреат Государственной премии РК; **Аслан Жаксылыков** – прозаик, переводчик; **Умит Тажикенова** – прозаик, эссеист; **Сауле Абишева** – профессор КазНПУ; **Вера Савельева** – профессор КазНПУ; **Нурболат Джуанышбеков** – профессор КазНУ им. аль-Фараби; **Таисия Савченко** – профессор КарГУ им. Е.Букетова; **Лариса Харитонова** – доцент КарГУ.

Любовь ШАШКОВА

Адольф Арцишевский выпустил книгу Виктора Бадикова, которая сейчас перед вами, – «С вечностью – начистоту». Она приурочена к 75-летию Виктора Бадикова. За эти семь лет, что Виктора Владимировича нет с нами, было выпущено несколько памятных книг, но вот по госзаказу ничего не выходило. А эта книга «С вечностью – начистоту» вышла по государственному заказу, в серии социально-важной литературы, теперь она будет в библиотеках республики. Чего не происходит с книгами, изданными за счет средств автора или его спонсоров. То есть она сохранится и дойдет до широкого читателя. Ее прочтут во всех уголках страны. Она будет доступна и в маленьких селах, и в городах. Мы собрались, чтобы вспомнить сегодня ее автора и поговорить об этой памятной книге. Она вместила в себя много работ, его главных статей о литературе и о писателях. И эта книга, подготовленная Адольфом Арцишевским вместе с издателем Нурланом Байбековым, – дань светлой памяти ее автору.

Замысел издания книги для меня был в следующем: мне бесконечно важным было показать, что человек этот сегодня присутствует в современном литературном процессе Казахстана. Мне кажется, его уход и сегодня, спустя почти семь лет, до конца нами не осознан. Душа не может с этим смириться. И это явилось для меня ведущей линией – показать, что Виктор сегодня с нами. В книге – все знаковые имена нашей литературы: писателей, поэтов, драматургов, состоявшихся, именитых и молодых. Я поразился, насколько Виктор Бадиков живо реагировал на все литературные события в стране.

В адрес Виктора при жизни звучали упреки, что он иногда бывает слишком комплиментарен, перехваливает авторов. И мне действительно казалось, что это справедливое замечание, до той поры, пока не отыскал в его книге статьи о самом себе. И тут я, затаив дыхание, прочитал этот текст и подумал: «Господи, как глубоко человек проник в творчество!» Никто так много обо мне добрых слов не сказал. Я думаю, что он так говорил не только обо мне, но и о каждом, о ком писал. Эта потрясающая доброта человека, она дорогого стоит! Этой книгой он говорит: «Писатель настолько в нашу эпоху обездолен, бесправен, то хотя бы так воздать ему». Большое спасибо Виктору за это!

Надежда ЧЕРНОВА

В ТРАДИЦИЯХ НЕКРАСОВСКОГО «СОВРЕМЕННОКА»

Прежде всего хочется поклониться Адольфу Арцишевскому за его подвиг дружбы. Это именно подвиг, потому что на протяжении уже нескольких лет Адольф, который невероятно занят, занимается наследием Виктора Бадикова, с которым дружил более полувека. Он издал не только его критику, но и прозу, и стихи, и воспоминания о нём товарищей, учеников, его близких. И новая книга «С вечностью – начистоту» – неостывающая память о друге. Надо сказать, книга не только отлично издана – за это отдельное спасибо издателям, но и хорошо составлена, охватывает весь диапазон критических интересов Бадикова.

Нынче, в стремительном круговороте времени, когда мы перестали читать друг друга, перегруженные агрессивной информацией, о Викторе Бадикове думается с ностальгией, прежде всего как о талантливом читателе, потом уже как о критике. Он не только много читал по своему предмету в университете, не только писал научные работы и доклады для разных филологических конференций, не только участвовал в создании школьных учебников по литературе нового поколения и вёл мастер-классы в «Мусагете», он успевал прочитывать массу новоизданных книг, прежде всего казахстанских авторов, а также литературные журналы, в том числе и «Простор». И не просто пролистывал, а именно читал, делая пометки на полях, выстраивая своё мнение о прочитанном, определяя место каждой книги в общем литературном потоке, формулируя культурные тенденции, новые течения, которые он всегда чутко улавливал. Это отличало его от других критиков, большинство из которых ограничивались поверхностным разбором книг без глубокого анализа, и уж тем более не прочитывая их в контексте мировой литературы – и прошлых лет, и современности. Кстати, именно современность Бадикова всегда особенно интересовала, и он тут хорошо развернулся, когда были сняты цензурные запреты

и можно было открыто говорить о неудобных вещах, о социальных проблемах, ибо критика Бадикова всегда была социальна и служила идеологии, но теперь – идеологии правды. Прежде, в рамках запретов, слово его было несколько скованным и не до конца проявленным, а начиная с 90-х годов стало по-настоящему свободным, набрало силы. О нём можно сказать, что он продолжал традиции некрасовского «Современника», у главу угла которого была поставлена социально направленная критика, и каждая книжка журнала открывалась острой критической статьёй, которая перерастала в разговор о горячих проблемах общества и времени.

Бадиков писал как объёмные критические полотна, например, об А.Нурпеисове, О.Сулейменове, С.Санбаеве, Д.Исабекове, так и небольшие статьи или рецензии, буквально в несколько страничек, но это неизменно был серьёзный труд, даже если рассматривалась первая, неумелая ещё книжечка начинающего автора.

Я где-то прочла, что судить поэта, да и писателя вообще, надо не по его провалам, а по его вершинам. Именно этого принципа придерживался Виктор Владимирович. В каждой книге, в каждой подборке стихов находил он прежде всего эти «вершины», с высоты которых и обозревал творчество авторов и подвигал их, может быть, расти, отталкиваясь от лучшего в себе. Его упрекали, что он тратит силы иной раз на ничтожных сочинителей, которые не стоят внимания. Но для него не было «ничтожных», и чтобы понять, почему, уместно будет вспомнить высказывание Пушкина о критике:

«Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство. Не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию, в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных».

Вот! «Нравственные наблюдения»! Они всегда волновали Бадикова, на них строил он свои критические заключения, говоря о литературных достоинствах или недостатках.

Читая его книгу, я обнаружила, что у Бадикова ведь нет разгромных статей, полных критической желчи и категоричности мэтра, а на тот момент Виктор Владимирович был, по сути, единственным в нашей стране профессиональным литературным критиком и мог бы вознестись.

Я не случайно упомянула «Современник» и традиции этого уникального в нашей культуре издания, где сотрудничал Белинский. По-моему, Виктор Бадиков унаследовал ту часть критической души Белинского, когда Белинский, говоря о поэтах, сам был поэтом, восторженно относящимся к творцу, идеализирующий творческого человека. Виктор Владимирович так же умел радоваться чужому таланту и поощрять его, а это такая редкость и так необходимо каждому из нас. Может, кого-то и портил похвалой, но настоящим талантам всё же помог.

Виктор Бадиков, пожалуй, одним из первых заговорил о таком сложном явлении, как литература казахов и корейцев, пишущих на русском языке. Её по-разному называли: и русскоязычная, и литература билингвов, и маргинальная, и т.д. Но дело, как всегда, не в названии – «Хоть горшком назови, только в печь не сажай!» – дело в сути. И Бадиков много лет разбирался в этой сути, внимательно прослеживая путь Бахытжана Канапьянова и Бахыта Каирбекова, Аслана Жаксылыкова и Михаила Пака, Дюсенбека Накипова, Умит Тажикеновой и мн. др. И он снова и снова доказывал: «Несмотря на то, что казахские поэты взрастали в действенной и уже привычной атмосфере русскоязычия, они никогда не забывали о своих национальных корнях, не изменяли своему мироощущению».

Казахская литература не должна их отторгать, – говорил он, – они нужны, и не только как образованные, двуязычные переводчики, но и как самобытные поэты

и прозаики. Они вносят свежие краски в мировую литературу, открывают новый угол зрения – пограничный, и в то же время консолидирующий – между двумя культурами. И они ни на йоту не предали свой народ и свой язык, как пытаются выставить их порой и среди казахов, и среди русских. И большая заслуга Бадикова, что он противостоял этой бессмысленной войне – упорно и методично.

Ольга АБИШЕВА

В ОСНОВЕ ОБЩЕНИЯ ЛЕЖИТ ПОНИМАНИЕ

Для Виктора Владимировича Бадикова литературная критика была главным делом, а не побочным занятием. Его критика в хорошем смысле субъективна. Внешне сдержанный, академичный Виктор Владимирович умел быть страстным, он любил автора. Но при этом он был принципиальным и бескомпромиссным, имел свою четкую позицию. Существует мнение, и, по-моему, очень верное, что критика сама должна быть литературой, что это особая область искусства. Критика Бадикова соответствует этому всецело. Он определял специфику самой культурной ситуации в республике, определял направление и стержень.

Иногда в нашем деле встречается, и это по тексту статьи видно, что критик пишет без любви, или только с любовью к себе или с самолюбием. У Бадикова этого нет. Его трепетное отношение к писателям являлось примером для многих. Он заметно отличался от других своим вниманием к ним. Как птицы, которые в своем клюве, час за часом, несут своим детенышам еду и строят для них новые гнезда, так и он денно и ночью заботился о казахстанских писателях и поэтах, искренне радовался их успехам и переживал их неудачи. Писал предисловия к их сборникам, выступал в презентациях новых книг. Все время старался направлять их действия в нужное русло.

Статьи В. Бадикова – тщательно и последовательно продуманные, неспешно написанные размышления. Ему присущ прозрачный стиль, простой и вместе с тем теоретически концептуальный. «Казахская словесность заново восстанавливает историю своего народа, осмысливает уже иную, урбанистическую современность, все больше погружается в поэтику переходного типа от реализма к модернизму, решает проблему внутреннего расслоения по языку. В этом смысле становятся в один ряд пусть и разнокалиберные, но по-своему значимые факты литературного процесса», – писал он, размышляя о движении литературы начала XXI века.

В своих статьях он затрагивает многие вопросы, говорит об идеалах, пишет о порядочности художника – гражданской и чисто человеческой. Напоминает чеканное и точное выражение патриарха казахской литературы Абдижамила Нурпеисова: «Казахский язык должен стать потребностью, а не наказанием». Пишет о настоящем, глубинном, а не показном патриотизме писателя, чей роман «Последний долг» определяет как «библейски хоральный роман». Мудро, с духом человеколюбивым отзывается на болезненный вопрос о казахском языке. Не боясь отповеди воинствующих национал-патриотов, пишет: «Указами вводить язык не продуктивно – можно вызвать реакцию отторжения», «В будущее надо двигаться не вопреки русскому языку, а с учетом непреходящей общественно-культурной ценности обоих языков». Это дух, устраивающий общение людей, а не вносящий среди них разногласие. В основе общения, согласно Бадикову, лежит понимание. Вероятно, это главное слово в его критическом дискурсе.

Его работы содержат две цели. Во-первых, авторскую программу воздействия на читателя. Обращаясь к читателю, он стремится формировать его литературный вкус, побуждает к чтению и сопереживанию эмоциям автора. В своих критических статьях Виктор Бадиков влиял на отбор и оценку новинок литературного мира.

Эта работа с читателем проявляется как в способности заражать духом писателя, его философскими интенциями, так и в удивительном таланте оказывать определенное нравственное воздействие на читающего, влиять на его общественную позицию. Например, откликаясь на творчество Абдижамила Нурпеисова, он подчеркивает: «Истинный художник всегда знает заранее, потому что его интуиция, совесть, чутье не позволяют переступить ту роковую черту, которая отделяет истину от фальши». Этими высказываниями он воспитывает читателя, протягивает руку собрату-писателю, чтобы поддержать его. Тому ведь тоже нужно мужество выразить свою гражданскую позицию.

В статье «Возвышая наши святыни» он с гордостью пишет о классике казахской литературы так, что читатель понимает, что пока будут такие люди, будет и казахская литература, являющая образ миру. Вспоминая Тамару Мадзигон, пишет о ее гражданской честности, негибамости духа: «В ней, человеке и поэте, всегда жила воинствующая способность отстаивать правду и достоинство. Рядом с ней люди выпрямлялись, начинали верить в себя».

И второе, что содержат его статьи, – они возвращают нас к критике XIX века, к ситуации «вопрошания». Наряду с интерпретацией художественных произведений, осмыслением сути литературного процесса, пониманием текста как сложно структурированного целого в его работах звучит озабоченность: Кто мы? Откуда мы? Куда идем? И вообще, придем ли куда-либо или застрянем в своем провинциализме, отстав от цивилизованного мира.

Он мыслил в государственном масштабе, писал о том, что, к счастью, Казахстан не выпал из евразийского пространства, в нем он ощущает себя органично. Можно сказать, что Бадиков являл собой одну культурную стратегию страны, заменяя целые министерства и культурные учреждения. Он говорил о кризисе начала XXI века и в этом смысле наиболее явно демонстрировал свою человеческую заинтересованность как ученого, как критика в том, чтобы литература не ушла из нашего меркантильного века.

Часто говорят, что он был слишком щедр на похвалу. Нет. Он знал толк в качестве литературы. Но просто, по-моему, он помнил всегда слова классика: «Как бы низко ни пала литература, все равно она идет от пророков». Он был мудрым и понимал, что пророки рождаются только в сфере литературы. И поэтому внушал писателям, нашим потенциальным пророкам, свою веру в них, авансом оказывая им доверие, веря в их возможную пророческую миссию. Потому что он помнил, что поиск нравственных начал зиждется на Слове писателя.

Он владел всеми интерпретационными стратегиями. В его критических штудиях мы найдем и осмысление социокультурных явлений, и поиски самоидентификации писателя через его текст. Он писал о развитии реалистической традиции в творчестве Г. Бельгера, А. Арцишевского, В. Мосолова, Н. Веревошкина, Б. Момыш-улы, У. Тажикиновой, Ш. Хусаинова. В статье «Казахстанские писатели «новой волны» Виктор Бадиков первый из критиков обратил внимание на молодых – Марата Исенова, Михаила Земскова, Айгерим Тажи, Илью Одегова, Е. Барабанщикова, Равиля Айткалиева, А. Рогожникова, Елену Тикунову, Н. Погоду.

Бадиков связывает их с традицией русского авангарда начала XX века, с традицией Маяковского, говорит о парадоксальности чувства и мысли, о «традиции

осмеяния пророка», об их абсурдистском сарказме в духе Хармса. В главе «Литературное сегодня Казахстана» в работах последних лет, относящихся к 2004-2008 годам, он отмечал, что приходящее в литературу молодое поколение работает в совершенно иных социокультурных обстоятельствах, ему в меньшей степени свойственно стремление выступать «от группы» и более характерен эгоцентричный тип проявления «самости».

Отдельная тема в работах Бадикова – русскоязычная литература Казахстана. Критик не пропустил ни одного более или менее значительного явления в ней: он написал о романах «Предсказание» О. Марк, «Круг пепла» Д. Накипова, «Сны океанных» А. Жаксылыкова, «Зуб мамонта» Н. Веревошкина, «Звук, с которым восходит солнце» И. Одегова. Отмечая «умеренный постмодернизм», «модернистское мироощущение», поддерживая в авторах творческое начало, опять, может быть, выдавая авансом наперед признание. Он, я думаю, придерживался правила зажечь свечу, а не погасить ее, увлекшись высоколобым академизмом критических суждений. Он всегда радел, чтобы свеча не погасла.

Виктор Владимирович был больше, чем критиком. Самим своим присутствием он создавал широкое, этически нравственное поле. Его литературная критика стоит вровень с критикой «толстых» журналов («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», «Молодая гвардия»). А в большинстве случаев и выше, потому что и признанные журналы сейчас опустились до полустраничных беглых рецензий. Они сознательно (из-за небольших гонораров?) свели свою критику до маленьких скороговорок о литературе. А Бадиков владел словом, умел не поучать, а ненавязчиво направлять. Был маяком, на который шли.

Дмитрий ИСАЕВ

БЕЗ НЕГО ЛИТЕРАТУРА ОСТАЛАСЬ СИРОТОЙ

Я думаю о Викторе Бадикове: «И один человек в поле воин». Удивляюсь, как он находил на все и всех время. Вот он взял интервью у человека, через день оно уже в печати. Когда он успевал? Он успевал читать не только прозу казахских писателей, но он еще был большим знатоком мировой литературы и казахстанской русской литературы. Нас было четверо. Мы называли себя четыре петуха – Андреасян, Арцишевский, Бадиков и я в том числе. Потому что родились в Год петуха. Мы постоянно собирались, спорили, что-то обсуждали, выпивали. Нам всегда было интересно друг с другом.

А Бадиков всегда с трезвой головой, всегда, даже тогда, когда мы сидели до поздней ночи. Он никогда не пропускал ни одну удачно сказанную фразу. Он очень много написал статей и книг о казахских писателях, начиная от Ауэзова и кончая молодыми писателями. В его книге есть главка и обо мне, называется «Соприкосновение брата». Даже те пьесы, которые не были поставлены, он у меня попросил: «Дай мне некоторые экземпляры». Я принес ему, и он дал такой глубокий анализ, написал о моем творчестве монографию. Сделал то, что до сих пор не могут или не хотят сделать казахи. Вообще-то, признание всегда приходит со стороны, а не от своих, я в этом уже убедился.

Моя пьеса о М. Булгакове «Сети дьявола» шла на сцене Лермонтовского театра. Пьеса об отношениях художника и власти. Он написал рецензию. Это было большое событие и для меня как автора, и для театра. В Костанайском казахском драматиче-

ском театре поставили мою пьесу. И мы поехали туда – Толен Абдиков, Аширбек Сыгаев, Виктор Бадиков и я. Быть драматургом и смотреть свой спектакль – это Божье наказание, потому что у меня свое видение режиссуры, актерской игры, а то, что шло на сцене, совершенно не совпадало с моим ощущением постановки пьесы. Я разнервничался, спрашиваю у Бадикова: «Выходить мне на сцену или не выходить?» Он мне говорит: «Дулат, надо уважать людей». «Если я выйду и потом попрошу снять спектакль из репертуара, ты поддержишь?» Он говорит: «Я в казахские дела не вмешиваюсь. Особенно если закрывать».

Я вышел и сказал: «Я в Кустанае в первый раз. Спасибо вашему театру, что поставили пьесу, но мне приходится констатировать, что постановка не удалась. Я буду рад, если снимите этот спектакль из репертуара. Так не надо играть эту вещь. Булгаков – гениальный писатель. Он как айсберг». Но потом Бадиков почувствовал себя как-то виновным в этом деле. Он сказал, он всегда говорил точно: «Мы часто разбрасываемся людьми, отношениями. Больше мы ни с кем не будем вступать в споры».

Затем пришла весть, что в далеком городе Актау в нелепом ДТП его не стало. Он ушел так рано. Я со своей стороны рассчитывал на то, что написанное на казахском языке я отдам на перевод и обязательно потом дам Бадикову. Его мнение для меня всегда было окончательным. У нас были большие совместные планы. К большому сожалению, он ушел. Теперь мне не к кому обращаться. Теперь у нас, писателей и драматургов, свободное плавание. Без Бадикова литература осталась сиротой, без охранника, без надзирателя, без настоящего аналитика. Я плакал, когда его провожали. Это было несправедливо. Я так и написал в газете «Одна несправедливая смерть». Дорогой Адольф Альфонсович, я тебе очень благодарен за книгу. Мы все друг друга любим, но когда кто-то уходит, забываем. Ведь мы все забывчивые люди. А ты сделал большое дело. Большое тебе спасибо, я рад, что мы встретились с ним снова. Ты устроил нам такую славную встречу. Эта книга – наш гражданский и товарищеский долг перед памятью о Викторе Бадикове.

Асхан ЖАКСЫМЫКОВ

В.В. Бадиков – многосторонняя, многогранная личность. Когда сейчас оцениваешь масштаб его трудов, поражаешься тому, как он столько успевал участвовать во всех этих делах, в том числе в творчестве многих молодых писателей и поэтов, например, тех, которые входили в «Мусaget». Он не только участвовал, интересовался, писал статьи о малоизвестных, только появляющихся авторах, но он и участвовал в их жизни. Не только добрым словом, но как-то по-отечески. Виктор Владимирович мог найти для каждого человека свое проникновенное слово. Эта проникновенность была для него глубоко свойственна и органична и характеризовала его как человека, как личность. Вникнуть в творчество человека, понять потенциальное, что несет в себе эта творческая личность, были его главной чертой. Это касалось не только поэтов, писателей, но и ученых. Он интересовался не только моими романами, но моим научным ростом.

Нам сегодня не хватает его. Не хватает Виктора Бадикова, Зейноллы Кабдолова, людей, которые жили для литературы, для науки. Это немеркнущий свет. Эти люди не исчезают из культуры, из науки, из искусства, они живут в наших сердцах. Большое спасибо Адольфу, издателям за эту книгу. Мы будем продолжать писать о нем, изучать его творчество, потому что это настоящее.

ТОЛЬКО БЫ «...РОДИНА ПОРОЙ НАС ЗАМЕЧАЛА»

Перефразируя английского философа Томаса Карлейля, можно было бы сказать, что история литературы – это биография критиков. Проследить за историей развития литературы Казахстана, особенно периода независимости, можно по работам Виктора Владимировича Бадикова. В новой книге «С вечностью – начистоту» собрана большая часть его критических статей, рецензий, названия которых говорят сами за себя: «Он стоял у истоков казахского романа» (О Жусипбеке Аймаутове), «К столетию Габита Мусрепова», «Национально-художественное мироощущение и социальный заказ. Мухтар Ауэзов», «Превозмочь одиночество. Оралхан Бокеев», «Перечитывая Ивана Шухова сегодня», «Обнаженное сердце. Мастер-класс Абдижамила Нурпеисова», «Судьба и крылья. Русскоязычные поэты Казахстана», «Писатель – оппонент любой власти. Аким Тарази», «Полет в будущее. Мухтар Магауин», «Гневный голос молчания Мурата Ауэзова», «Смена вех. Проза 80-90 годов», «Лирические лепестки. Поэты «новой волны», «Казахстанские писатели «новой волны», «Литературное сегодня Казахстана».

Виктора Владимировича Бадикова часто вспоминают в печати, о нем думают с теплотой, ему благодарны за добро, что успел сделать. Он был из числа тех редких личностей, кто умеет по-доброму выслушать, поддержать своим авторитетным, весомым словом, умеет обязательно подметить нечто особенное, найти, за что поддержать, сказать об этом тепло, доброжелательно, дать шанс, вселить в автора уверенность. Его критика не была односторонне жесткой, беспощадно безжалостной; он мог мягко, щадя, деликатно указать на ошибки. Как, например, в случае с моей второй книгой: «...туристская, географическая проза утяжеляет книгу, потому что создает не «второе дыхание», эпическое, а его инерцию, имитацию. Это уже, поиски, выходящие за рамки сборника рассказов. Какой «клей» потечет с ее пера завтра? Может, это будет женский роман или рыночно-криминальный детектив? Подождем до завтра».

А в статье «Казахские писатели «новой волны» замечает: «...невольнo посмеиваясь и не без удовольствия смакуя детали, нужно немало покумекать, распутывая сюжетные хитросплетения рассказов Р.Айткалиева («Под залог»), П.Погоды («Шивва»), Н.Банниковой («Не зря»).

Виктор Владимирович писал рецензии не только потому, что это было его работой, но и по большой внутренней потребности. А это нелегкий труд, даже и для ученого его уровня: надо потратить несколько дней своей жизни на написание одной рецензии, предварительно от корки до корки прочитав книгу с карандашом в руках. В книге «С вечностью – начистоту» больше семидесяти статей, а сколько осталось за пределами этой объемистой книги в 476 страниц! При этом он пояснял самому автору созданный тем мир, обосновывал свою точку зрения на пласты, которые тот задевает, мог посоветовать, как не заблудиться в лабиринте поисков, увлекшись модными течениями и стилями, подсказать ему единственно верный путь, который тому под силу. В статьях чувствуется его доброе сердце, видно желание понять, не обломать ненароком крылья, дать надежду.

Бадикова волновала судьба писателей, их незавидное положение в современном мире. Писатели оттеснены на периферию жизни, они стали маргинальны, утверждал он. В октябре 2002 года Виктор Владимирович выступил в Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова с докладом о «скрипторологии» («науке о писателях», термин введен В.В.Бадиковым). В Послесловии к докладу «О

русской литературной маргинальности» он говорил не только о русских писателях, живущих в Казахстане, но и писателях-казахах, пишущих на русском языке:

Я объяснил, что все мы – маргиналы,
Которым ничего почти не перепало,
Которых вообще осталось мало...
Но мы готовы всё начать сначала,
Чтоб Родина порой нас замечала.

Печально, что заслуги скромного человека порой замечают только после ухода его из жизни. Бадиков писал обо всех, но мало кто о нём, можно назвать от силы двух-трех авторов, отозвавшихся о его подвижнических трудах при его жизни. Герои же многочисленных его статей, вероятно, принимали его рецензии как должное, считая, что им воздают по таланту. А ведь Родина мы с вами и есть, и есть сакральные долги, осознание которых приходит рано или поздно к каждому. И вот, наконец, по Госзаказу вышла книга Виктора Владимировича, в которой он заговорил как живой, с нами, живыми.

Все его труды ждут своего часа; ждут своих читателей-критиков нового поколения – молодых, талантливых, вдумчивых, дерзких, чтобы во всей полноте раскрыть огромную Вселенную его души, скрытной и одновременно так безжалостно приоткрытой им самим. В силу таланта, интеллекта, эрудиции ему дано было познать многое, что даруется Всевышним не каждому, многие так и уходят в иные миры, ничем подобным не смутив душу. Мир же его чувств и мыслей был более тонким, более сильным, потаенным, а потому более драматичным.

Саша АБИШЕВА

ОН СОЗДАВАЛ ШКОЛУ КРИТИКОВ В СТРАНЕ

Филологический факультет, кафедра русской и мировой литературы Казахского национального педагогического университета имени Абая славится тем, что с 1970 по 2010 годы на ней работало четыре доктора филологических наук, являвшихся членами Союза писателей Казахстана. Это прозаик Хасен Адигаевич Адигаев, переводчик Александр Лазаревич Жовтис, поэт Махмуд Абдрахманович Абдрахманов, литературный критик Виктор Владимирович Бадиков. Яркие представители четырех народов нашей многонациональной республики! Их творческие, научные и человеческие взаимоотношения олицетворяли на кафедре истинный интернационализм, основанный на полном взаимопонимании и поддержке! Четыре знаковых имени, сыгравших роль золотого сечения не только в истории кафедры, но и всей страны. Каждый из них внес неоценимый вклад в развитие казахстанской науки и литературы.

Хотя Виктор Владимирович Бадиков по возрасту был самым молодым из них, он являлся достойным членом этого высокого сообщества ученых и литературных деятелей. С полной ответственностью можно сказать, что известный ученый стоял у истоков современной казахстанской литературной критики. Он не только создал школу критиков в республике, но и всем своим творчеством критика представлял большую школу. С конца 70-х годов в казахстанской литературной жизни ориентиром на открытие новых имен и произведений становится именно В.В. Бадиков. Его точное и блистательное слово, неприкрытый интерес и профессионализм, умение показать и раскрыть важные ракурсы творчества и произведений А. Нурпеисова, Д. Досжана, Г. Бельгера, О. Постникова, Б. Канапьянова и многих других сделало имя критика желанным для всей писательской аудитории Казахстана. Он был той

инстанцией, которая определяла, настоящий ли пришел в литературу писатель или нет. В середине 70-х годов в поэтическом сборнике молодых «Ступеньки» он рукоположил в поэты Т. Мадзигон, А. Шмидта, В. Киктенко, Б. Каирбекова, В. Савельеву... Если тебя заметил Бадиков и написал о тебе статью, то тебе гарантировано признание у казахстанского читателя, как это произошло с У. Тажикиновой. Его легкое и доброе перо, поддерживая начинающих писателей и пропагандируя творчество маститых, воспитывало высокоинтеллектуального читателя.

Всех, кто помнит В.В. Бадикова и отдает дань памяти его яркой, неординарной личности и таланту мастера, сегодня за «круглым столом» в Союзе писателей собрала его третья книга – «С вечностью – начистоту». Она вышла шесть с половиной лет спустя после смерти критика так же, как и две предыдущие, благодаря стараниям его друга и соратника Адольфа Арцишевского.

Книга состоит из пяти разделов, названия которых определены составителем – А. Арцишевским: «Лики слова», «Литературный факт» (звучит по-тыняновски), «Мемория», «Уроки классики», «Реальная критика». Предполагается, что они своей строгостью, сухостью и традиционализмом определяют жанровую и тематическую близость статей В.В. Бадикова. Но полную эмоциональную противоположность им составляют названия статей, принадлежащих самому критику. Выстроенные в содержании в один вертикальный ряд, они словно выражают суть бадиковской словесной энергии: «Гневный голос молчания Мурата Ауэзова», «Голгофа триумфаторов...», «Стенография души Бахыта Каирбекова», «Бессмертие в слове и в памяти. Юрий Кунгурцев», «Пример живой теории», «Книга мудрых печальных вопросов», «Категорический императив Индиры Зариповой» и др. Через эти названия статей В.В. Бадикова словно реализуется формула его творческой сути, яркой, глубокой, неукротимой и по-пастернаковски молниеносной: «Он был как выпад на рапире».

В презентуемую книгу В.В. Бадикова входят статьи о творчестве писателей Казахстана; статьи о А. Пушкине, М. Булгакове, Ю. Олеше, творчество которых входит в круг его научных интересов. Особое место занимают статьи, посвященные людям, с которыми Бадикова связывала кафедра и наука. С большим интересом я прочитала статьи, посвященные моим учителям – Евгению Алексеевичу Костюхину и Александру Лазаревичу Жовтису.

Виктор Владимирович часто рассказывал о том, как, работая в сельхозинституте, мечтал попасть в пединститут на легендарную кафедру академика Н.С. Смирновой. Помог реализовать эту мечту Е. Костюхин. «Наш казпишник Женя» – это небольшая яркая новелла-воспоминание с узнаваемыми именами, ситуациями, и, конечно же, очень узнаваемым Евгением Алексеевичем. Здесь и факты биографии Костюхина, которые мы, трепетавшие перед ним юные студентки филфака 70-х годов, собирали по крупицам: «Ах, он закончил МГУ», «Знаете, ему 34 года», «А он живет на Жарокова» и т.п. Среди тех же студентов филфака ходили легенды о лихой троице: Костюхин – Шайкин – Бадиков. Небожители, блистательно читавшие лекции, жили, как мы подозревали, вполне реальной жизнью: мы часто видели, как после занятий веселая троица направлялась в сторону парка 28-ми панфиловцев. С каким юмором и чувством ностальгии пишет Виктор Владимирович о тех годах, когда «происходило совпадение и слияние судеб людей, нашедших друг друга».

Благодаря воспоминаниям В.В. Бадикова произошло прогрессивно-регрессивное (любимый термин А.Л. Жовтиса) повторное узнавание моего первого учителя, давшего путевку в науку Зине Поляк и мне. Соглашаешься с каждым точно сказанным словом Бадикова о Костюхине: «Не только я поражался его бездонной памяти, живой и непосредственной, не только профессиональной. Его всегда неожиданным

сюжетным рассказам и анекдотам, ироничным и тонким. Он подавал их так ненавязчиво, что слушать его было сплошное наслаждение. Жаль, что их никто тогда не записывал...» Бадиков, говоря о великой любви Евгения Алексеевича к Алма-Ате, уже больше 20 лет жившего в Питере, вспоминает последний приезд Костюхина, когда все, кто его любил, устроили ему «недолгий, но душевный праздник».

Так сложились обстоятельства, что после того, как Е.А. Костюхин уехал в начале 80-х годов из Казахстана, моим научным руководителем стал А.Л. Жовтис, блистательный стиховед с мировым именем. Больше 20 лет он отдал кафедре литературы в КазПИ. Феномену А.Л. Жовтиса посвящена статья, включенная А. Арцишевским в последнюю книгу В. Бадикова. В ней дается исследование Жовтиса, личность которого начинается с детства, с генетического кода. Понимая величину и величие своего старшего современника, автор воспоминаний дает метафорическое, но очень точное обобщение биографии и творчеству А.Л. Жовтиса: он «"пошел" с Украины, пришел в Казахстан и, обойдя полмира, заглянув в Древнюю Русь и Великую Степь, навсегда остался на великой земле Чокана – Абая – Ауэзова».

В. Бадиков, мастерски владея словом, в эссе-исследовании рассказал о Жовтисе-переводчике, Жовтисе-стиховеде, Жовтисе-ученом и Жовтисе – общественном деятеле. Но все эти ипостаси объединялись тем, как считает В.В. Бадиков, что «в нем удивительно сильно было развито чувство собственного достоинства и еще чего-то...» Это что-то Бадиков называет «непридуманной тайной Жовтиса».

Е. Костюхин и А. Жовтис. Две ярких личности, два больших ученых, коллеги по кафедре вновь оказались вместе под одной обложкой книги В. Бадикова. Прощаясь с Женей Костюхиным в июле 2003 года, в период его последнего приезда в Алма-Ату, Виктор Владимирович употребляет загадочно-многозначное слово «ненадолго»: «И под конец сложилось впечатление, что Женя снова вернулся к нам, всё встало на свои места, и покидает нас – до следующего лета. Ненадолго». Но это слово уже было, когда В. Бадиков, вспоминая последнюю встречу с А. Жовтисом в конце октября 1999 года, пишет: «Простились, как обычно, ненадолго...»

Это слово, сказанное Виктором Владимировичем Бадиковым, оказалось провидческим. Расставание с друзьями, соратниками, единомышленниками, расставание с казпишниками Женечкой и Александром Лазаревичем, действительно, оказалось для него ненадолго. Словно догоняя их, спеша, он погиб в расцвете творческих сил, заменив «ненадолго» на вечность. Как ни печально осознавать, но сегодня Виктор Владимирович общается «с вечностью – начистоту».

Вера САБЕЛОВА

А И Б – В КНИГЕ И В СУДЬБЕ

У этой книги два автора. Назовем их «автор А» и «автор Б». Автор Б, конечно, главный. Автор Б – это слова и душа книги, а автор А – это ее руки, глаза, ноги, деньги. Автор А – бережный, трудолюбивый собиратель и составитель тех статей, рецензий, материалов, которые были делом жизни автора Б. И за это ему низкий поклон.

У поэта Александра Кушнера есть стихотворение о том, как человек переставляет, комбинирует предметы на столе согласно внутреннему чувству гармонии.

Расположение вещей
На плоскости стола,
И преломление лучей,
И синий лёд стекла.

- Сюда – цветы, тюльпан и мак,
Бокал с вином – туда.
– Скажи, ты счастлив?
– Нет.
– А так?
– Почти.
– А так?
– О да!

Это стихотворение позволяет мне проиллюстрировать и представить, как складывал и распределял по пяти разделам книги автор А тексты автора Б. Воображаю, что им двигало настоящее вдохновение вперемежку с муками творчества. Вот названия этих пяти разделов: «Лики слова», «Литературный факт», «Мемория», «Уроки классики», «Реальная критика». В этих словах автор А стремился отразить личность своего друга. Иными словами творческий облик автора Б – это Слово + Факт + Память + Классика + Реальность. Эти пять ключевых слов точно создают концепцию его индивидуальности.

Автор Б, и он же человек Виктор Владимирович Бадилов, вступая в полемику, любил начинать с фразы: «Хочу задать вопрос со скрытым возражением». Вот и я рискну проиграть эту ситуацию с автором А.

Итак, вопрос: «Почему у многих материалов в третьей книге нет дат?» Пусть это была бы дата окончания или первой публикации. Опускаются они даже в тех случаях, когда в предыдущих двух книгах были проставлены. Из своего опыта общения с Бадиловым помню, что тот даже на рядовых рецензиях или отзывах на дипломные работы, рекомендациях к публикации статьи всегда ставил дату и роспись. Для меня даты в конце статей позволили бы мысленно переставить их и увидеть эволюцию стиля, степень роста и перемены в мыслях и оценках автора. Особенно желательны были бы даты в интервью-беседах, которые он вел с Д.Досжаном, А.Тарази, М.Магауиным или в рецензиях на только что изданные книги.

Нарушая хронологию, перемещая статьи и формируя концептуальные разделы, автор А разрешает себе использовать прием складывания статей, посвященных одному автору. Так сложена статья об О. Сулейменове в первом разделе. К объемной монографической статье «Жажда диалога» (1986-1987 года) о поэтических книгах присоединена в качестве пятой главы статья-рецензия 2002 года о филологических книгах поэта. При этом в пятый раздел включена еще одна статья под названием «А начиналось всё... Заметки об Олжасе Сулейменове» (к сожалению, без даты). Может, ближе к авторской воле было бы дать три материала рядом, но отдельно и расположить их согласно хронологии.

Также автор А поступает и с двумя статьями о Д. Накипове. Ранняя статья о поэзии сливается с материалом 2005 года о романе «Круг пепла», и обе статьи идут под одним названием «Крик, бегущий по бумаге, – не убий! Дюсенбек Накипов» (раздел «Лики слова»). Спросите, откуда я это знаю? Я руководствуюсь тем фактом, что статья «Завет спасительной жизнелюбви. Первые впечатления о романе Д. Накипова «Круг пепла» вошла в книгу «По гамбургскому счету» (2008), а статья «Крик, бегущий по бумаге, – не убий!» включена в «Книгу про себя и про всех» (2009). И если в материале об О. Сулейменове возникла дата 1986-2002, то даты под комбинацией о Накипове вообще нет.

Нет книг абсолютно совершенных в техническом и редакторском исполнении. Особенно сегодня. В аннотации к книге сказано, что тексты В.В. Бадилова прошли «апробацию жизнью», они востребованы современными читателями, но малодоступны. Поэтому их переиздание актуально, своевременно и важно.

А. Арцишевский бескорыстно проделал колоссальную работу по собиранию творческого наследия своего друга. Мои придирчивые суждения нисколько не умаляют сделанного, но могут быть учтены при переиздании работ «одного из ведущих литературоведов и критиков Казахстана».

В последнее время часто говорят, что литературоведение – это литература, тем самым отодвигая ее от науки, но не унижая. И в доказательство приводят нескрываемую субъективность позиции филолога и явно проявляющуюся в его стиле любовь к образному слову. Все это приближает литературоведа к писателю. Таков был Бадиков. Его статьи больше, чем просто критика или литературоведение. Он – ЛИТЕРАТОР. В каждой статье Бадиков выстраивает оригинальный сюжет взаимоотношений с тем, о ком он пишет, будь то живые или давно/недавно ушедшие из жизни писатели и поэты. Они становятся персонажами его статей. С этой точки зрения очень удачно, что композицию книги «С вечностью – начистоту» автор А завершает фрагментами из незаконченной книги своего друга «Рассказы о писателях». Думаю, что автор Б был бы счастлив получить в год 75-летия книгу «С вечностью – начистоту».

Нурболат ДЖУАНШЕКОВ

«ЗДЕСЬ ДЫШИТ ПОЧВА И СУДЬБА...»

Мне до сих пор не верится, что Виктора нет. Кажется, что только сними трубку телефона, набери знакомый до боли номер, как услышишь его голос, поделишь с ним радость общения друг с другом. Обычно, вспоминая кого-либо, припоминаешь внешнее: лицо, слова, события, поступки. Думая о Бадикове, я вспоминаю его мысли, его взгляды, наши споры с ним. В 1996 году я защитил докторскую диссертацию, в которой обосновал свое понятие маргинальности литературы.

Там я спорил с В. Бадиковым, который утверждал, что слово «маргинальный» имеет в русском языке два основных значения: 1) написанный на полях, находящийся на краю; 2) близкий к пределу, почти убыточный. В первом значении это относится к литературам национальных республик, как окраинной, периферийной литературе. Во втором, переносном, значении к русской литературе Казахстана, «уже близкой к пределу отчаяния, не столь убыточной, сколько катастрофически убывающей...» Виктор утверждал маргинальность русских и русскоязычных писателей по отношению к российской и национальным литературам, видя задачу русских писателей в том, "...насколько русским писателям Казахстана удалось и удастся выразить свою национальную суть в "пограничных" условиях и обстоятельствах".

На мой взгляд, в широком смысле к маргинальной литературе надо отнести писателей и их произведения, составивших стилевую общность литературного течения на стыке разных цивилизаций, разных сфер воззрения, разных наук, поначалу даже входивших в состав художественной литературы, пограничных с литературой. Особенно это заметно в древней синкретичной литературе.

В узком смысле маргинальная литература – это произведения, написанные на стыке культур разных народов, писателями одного этноса на языке другого этноса. Так произведения аль-Фараби, этнического тюрка, написанные на арабском, фарси, латинском, древнегреческом языках, как и произведения Низами на фарси; вещи Конрада, Набокова, Бродского, созданные на английском; Айтматова, Валиханова, Кима, Рытхеу, Алимжанова, Пулатова, Зулфикарова, написанные на русском языке, по-моему убеждению, относятся к маргинальной литературе.

Дело в том, что в период обретения независимости многие русские писатели Казахстана были в панике перед предстоящей, как им казалось, «казахизацией» литературы. Некоторые русскоязычные писатели и поэты (Б. Момыш-улы, Б. Канпьянов) покаянно били себя в грудь, объявляя себя манкуртами, маргиналами в худшем значении этого слова. Некоторые взгляды этой группы разделял и Виктор. Я спорил с Виктором, пытался его разубедить, ссылаясь на О. Сулейменова и Н. Ровенского.

Олжас утверждал: «Я не боюсь ошибиться, заявив, что все мы в той или иной степени люди маргинальной формации. И понимание своей природы необходимо для осознания своего долга и призвания – проводников взаимодействия культур».

Н. Ровенский открыто заговорил о преимуществах маргинальности русских писателей. «Русский поэт, живущий среди другого народа, обладает тем дополнительным преимуществом, что может свободно пересекать этнографическую границу и становится обладателем ценнейших знаний, новых, ярких и поэтических образов».

В. Бадиков иронизировал над этим утверждением, заметив, что «дополнительное преимущество» маргинала зависит не от места жительства, а от степени таланта. Но мне казалось, что главное в этом суждении Н. Ровенского – это то, что снимается налет ущербности, неполноценности с маргинального писателя как личности и с маргинального произведения как литературного явления. Я рад, что со временем наши позиции по отношению к явлению маргинальности в литературе сблизились.

...В круговороте дней, в шуме опадающих листьев я представляю себе спокойное, задумчивое лицо Виктора Бадикова, незабываемые с ним встречи, и мне кажется, что сейчас вынырнет из толпы его знакомая фигура, он радостно улыбнется, и мы снова увлечемся разговором, сильным и страстным. Увы, это только мечты, и прошлого не вернешь. Их я выразил в стихотворении, написанном сразу же после его смерти, оно заканчивается словами:

...Книги, мысли, темы от него останутся.

Говорить о нем все будут голоса.

Под названием «Жизнь» пребудем мы на станции.

Поезд «Виктор Бадиков» ушел на небеса.

Уходит человек, и тускнеют воспоминания, забывается облик, глуше становятся чувства. Однако Виктор оставил возможность встречи со своим творческим его, со своей прозой. Он остался в своих произведениях... Как сказал его любимый Пастернак: «В них дышит почва и судьба».

Я бы мог дальше писать о наших встречах на заседаниях диссертационного совета в АГУ, которым командовал незабвенный А. Л. Жовтис, о защите самим Бадиковым докторской диссертации и просто дружеских встречах по радостному и не очень поводу, но понял, что больше не могу. Чем больше я говорю о Викторе, тем дальше он удаляется. А мне хочется сохранить его в себе как частицу души, как тайну.

Тамара САВЧЕНКО

Когда человек живет и действует в науке, критике, собственном художественном творчестве, то все, написанное им, воспринимается как очередной шаг к тому более значительному, что еще будет создано. Так А.Грибоедов относился к «Горю от ума». Он дарил друзьям и знакомым списки своего произведения, не заботясь о точности переписываемого текста. Он считал, что главное его произведение

еще будет создано. То же я отношу и к Виктору Владимировичу: когда жизнь закончена и подводится под ней черта, то написанное человеком приобретает иную значимость.

Сегодня по-другому, чем при жизни Виктора Владимировича, воспринимаются его проза и стихи. К собственному художественному творчеству он пришел поздно. По крайней мере, он обнародовал свои произведения поздно. Во всем, о чем пишет Виктор Владимирович, видится его глубокое погружение в язык, в слово. Когда читаешь написанное им, то не покидает ощущение, что для него нет препятствий в назывании любого состояния, предмета, события. Будто видишь, как он достает из неведомых глубин слово, и оно оказывается единственным и необходимым в этом месте и в этот момент. Впечатления собственной жизни – отрочества, юности, молодости – легли в основу его немногих книг. Ему удалось остановить мгновения прошедшей жизни, укрупнить их и сделать захватывающими для читателей.

В последние годы мне пришлось видеть его в работе очень близко. Он принадлежал к тем немногочисленным литераторам, для которых жизнь в профессии в разных ее проявлениях была основным содержанием собственного бытия.

Мариса ХАРИТОНОВА

Высокий сократовский лоб, мудрые глаза, тихий, но твердый голос... Мне повезло познакомиться с Виктором Владимировичем во время его визитов в КарГУ в качестве председателя экзаменационной комиссии. До сих пор на факультете вспоминают эти заседания – защита дипломных работ превращалась для всех присутствующих в интересный и содержательный диалог о литературе, способах ее постижения и оценки. Немногословный по своей природе, он мгновенно преображался, как только речь заходила о литературе, особенно о казахстанской. От него мы узнавали новые имена русскоязычных и казахоязычных писателей Казахстана, информацию о книжных новинках, защищенных диссертациях. Казалось, он был из тех, кто при жизни понял свое назначение на земле, осознал свой дар просветителя, ученого, художника и щедро делился им с теми, кого он называл «наши люди». Его поддержка нас, аспирантов и соискателей, всегда была ощутима: он охотно принимал нас в своем доме, согретом любовью и заботой его супруги Валентины Николаевны, опекал в процессе подготовки и защиты диссертации как председатель диссовета, не жалел времени на подробные консультации.

Виктора Владимировича уже несколько лет нет с нами. При всем осознании тяжести и невозможности этой утраты ловишь себя на мысли, что диалог с ним все еще продолжается. Во многом это стало возможным благодаря деятельности верных друзей Виктора Владимировича по изданию его работ. Книга «По гамбургскому счету» очень помогла мне при подготовке к лекциям по современным писательским стратегиям в университете имени Я. Коменского (Словакия). Было очень приятно презентовать ее зарубежным коллегам, которые за несколько дней моего пребывания там успели ознакомиться с ней и выразить свое восхищение глубиной и простотой бадиковского письма. А мы можем повседневно пользоваться оставленным им наследием всегда.

Публикацию подготовила Ольга АБИШЕВА

